

*Посвящается моим теткам
Марии Луизе, Джени, Глории и Шарлен,
а также моей матери Кэтрин Энн
и моей бабушке Грейс,
которые познакомили меня
с неувядающей красотой дельты Миссисипи.*

*Огромное спасибо моим родителям, которые
каждое лето возили меня в родной город матери
в дельте Миссисипи. Благодаря им я полюбила
этот маленький южный городок, вдохновивший
меня на написание этой книги.*

*Автор выражает глубокую признательность
сотруднику городского архива города Индианола
Джейн Эванс, подсказавшей мне верное направ-
ление поисков, а также коронеру графства Сан-
флауэр Хедер Бертон, которая щедро тратила
на меня свое время и терпеливо отвечала на
мои многочисленные вопросы. Если в книге и есть
какие-то неточности и ошибки, то за них несу
ответственность только я, а не эти замеча-
тельные люди.*

Глава 1

ВИВЬЕН УОКЕР МОЙС

Индиэн Маунд, Миссисипи. Апрель, 2013

Я появилась на свет на той же кровати, на которой когда-то была рождена моя мать, а до нее — ее мать, а еще раньше — другие женщины из нашей семьи, имен которых никто из ныне живущих уже не помнит. Кровать была старинная, на четырех столбах из крепкого черного дерева, которые словно привязывали женщин из рода Уокер к этой земле — к бескрайним плодородным полям, некогда отнятым у великой Миссисипи. Но, как и дамбы, возведенные для того, чтобы не давать могучей реке разливаться во всю ширь, они не могли удержать нас надолго.

Как гласит семейное предание, все Уокеры появились на свет с громким криком и, едва научившись ходить, отправлялись в долгое, длиною в целую жизнь, путешествие. Полагаю, мы все искали особенное — что-то такое, что могло бы заставить нас замолчать. Единственным нашим наследством была передававшаяся из поколения в поколение способность выращивать отличные овощи и цветы, а также неутолимое желание узнать, что же находится за пределами

Миссисипской дельты. Причины этого желания были столь же непонятны и необъяснимы, сколь и его все-сокрушающая, неодолимая сила. Единственное, что можно было о нем сказать, — это то, что его источник скрывался где-то очень глубоко в наших сердцах.

И все же то, что гнало нас прочь, в конечном итоге неизменно оказывалось побеждено притяжением родных краев. Не знаю, был ли это зов темного миссисипского аллювия или воспоминание о старом доме и крепкой кровати на четырех столбах, но факт остается фактом: как бы далеко нас ни заносило, мы всегда возвращались.

Сама я вернулась в родной Индиэн Маунд весной, почти через девять лет после того, как уехала. Я примчалась сюда через всю страну, напрямик из Лос-Анджелеса — двадцать семь часов асфальта, фастфуда и сводящего с ума напряжения. Мои воспоминания, словно путеводная нить, указывали мне дорогу и вели за собой. Когда я преодолевала последний участок шоссе от Литтл-Рок до Индиэн Маунд, небо потемнело, а между туч засверкали частые молнии. По радио то и дело передавали предупреждения о торнадо, но я даже не подумала сбросить скорость и продолжала давить на педаль, хотя порывы ветра так и норовили столкнуть мой автомобиль с трассы. Конечно, разумнее всего было бы остановиться, но мне это даже не пришло в голову. Фигурально выражаясь, багажник моей машины был битком набит проблемами, решить которые могла только моя ба-

бушка Бутси. И только она могла бы простить мне девять лет отсутствия и десять лет молчания, потому что на собственном опыте знала, что такое укеровское упрямство. В конце концов, это качество своей натуры я унаследовала именно от нее — как и от других моих предков по женской линии.

Начинало светать. Гроза прошла, а я переправилась через реку и оказалась в штате Миссисипи. Восемьдесят второе шоссе очень скоро привело меня в край, который мы всегда называли Дельтой. Маячившие на западе высокие обрывистые холмы исчезли, словно какой-то великан в одночасье раздавил их гигантским башмаком, и я увидела протянувшиеся между реками Миссисипи и Язу плоские заболоченные равнины. Земля здесь была богатой и невероятно плодородной — наверное, как в долине Нила в стародавние времена, однако видимое спокойствие местного пейзажа было обманчивым: здешняя природа могла разбушеваться так, что обуздать ее бывало очень нелегко. Как говорили мои предки, наши края либо ломали человека, либо воспитывали в нем стальной характер, причем, насколько мне было известно, на данный момент счет был примерно равным.

Боже, как давно я здесь не была!..

Осветительные мачты, пестревшие рекламными растяжками и щитами, остались позади, и вдоль шоссе потянулись еще пустые по весне поля и полуразрушенные хозяйственные постройки — руины, которые почти целиком поглотили ползучие стебли пуэрарии. В пред-

рассветных сумерках их приземистые силуэты напоминали нахохлившихся, печальных дýхов, выстроившихся вдоль дороги в надежде, что какой-нибудь странствующий волшебник вернет их в давно миновавшие эпохи. Кое-где между ними поблескивали слюдяные лужи кипарисовых болот, которые напоминали нам, людям, что эта земля дана нам не навсегда и может быть снова у нас отнята. Солнце еще не взошло, и знакомый ландшафт, пронесившийся за окнами моей машины, был окрашен лишь в разные оттенки серого, как будто за прошедшие годы все яркие природные краски выцвели и поблекли. Такими же, впрочем, были и мои воспоминания: дымчатый гризайль на сером картоне, расплывчатые тени, легкая вуаль печали.

Мой психоаналитик как-то сказал, что подобная цветовая слепота, проявляющаяся каждый раз, когда речь заходит о моих воспоминаниях, объясняется, скорее всего, одиноким, несчастливым детством, проведенным без матери. Годы, наполненные пустотой и *отсутствием* матери, я подсознательно раскрашивала в черно-белые цвета, поэтому теперь все мое прошлое представлялось мне монохромным и унылым.

К тому моменту, когда я добралась до указателя на въезде в Индиэн Маунд, поднявшееся над горизонтом солнце окрасило небо нежнейшим розовым цветом, но меня это не обрадовало. Подступившая к горлу паника заставила мое сердце забиться чаще, и я произвольно бросила взгляд на соседнее сиденье, где лежала моя

сумочка. В сумочке я держала аптечный флакончик с *таблетками*. Интересно, подумалось мне, сумею ли я проглотить еще одну успокаивающую пилюлю «на сухую»? На протяжении всего пути от Лос-Анджелеса мне это удавалось, но теперь я засомневалась. Во рту у меня было сухо, как в Сахаре, руки дрожали... в конце концов, я была почти дома! Стараясь отвлечься, я стала смотреть в лобовое стекло — в тусклый утренний свет, который словно проглатывал мою машину, и сильнее нажала на педаль акселератора.

Вскоре мне, однако, пришлось сбросить скорость. Ветер набросал на дорогу целые горы мусора, налететь на которые мне не улыбалось. Груды листьев, спутанные ветви, толстые сучья, комки грязи и сорванные с крыш черепицы преграждали дорогу, и я старательно объезжала каждое препятствие, чтобы не повредить колеса. Несмотря на то что ехала я теперь довольно медленно, вскоре я догнала старый пикап, который когда-то был красным. Пикап притормаживал, и я увидела впереди красно-синюю мигалку полицейской машины, стоявшей на обочине дороги возле оборванных электрических проводов. Из заднего окошка пикапа, марку и год выпуска которого я определить затруднялась, на меня меланхолично уставилась большая пятнистая собака неизвестной породы.

Полицейский регулировщик, выбравшийся из патрульной машины, направил пикап, собаку и меня в объезд опасной зоны, взмахами рук показывая, что дальше следует ехать медленно, но как только я пере-

стала видеть его в зеркале, я снова прибавила скорость и, обогнав пыхтящий пикап, едва разминувшись с почтовым ящиком, который торчал прямо посреди дороги, словно это было его законное место.

Во рту у меня снова пересохло, на лбу, напротив, выступила обильная испарина, и я опять подумала о таблетках — о том, как быстро одна пилюля могла бы мне избавиться от навалившегося беспокойства. Непроизвольно я поехала быстрее, хотя это и было небезопасно — и тут же налетела передним колесом на толстый и кривой сук, лежавший посреди дороги. Раздался треск, деревянные обломки громко застучали по днищу, но крышка, кажется, осталась цела. Я, впрочем, не стала останавливаться, чтобы посмотреть, все ли в порядке. В глубине души я знала: если придется, я поеду дальше даже на дисках, лишь бы поскорее попасть туда, где я так давно не была.

Свернув с шоссе, я оказалась на раскисшей после грозы грунтовой дороге, где моя машина то буксовала в грязи, то подпрыгивала на камнях. Дорога пересекала обширное хлопковое поле; в ее глубоких колеях, продавленных тракторами и фургонами, стояла вода. Эту грунтовку я хорошо знала и поехала по ней совершенно машинально. Возможно, у нее было какое-то название, но мы никогда не пользовались им, объясняя дорогу случайным гостям и туристам. Повернуть направо через полторы мили после старого универсама... Универсам был закрыт задолго до моего рождения, но я до сих пор помнила ветхое, поко-

сившееся здание и облезлую вывеску «Голден Краун Кола» над входом. Сейчас от универмага не осталось и следа, но я все равно знала, где нужно свернуть, — точно так же мои волосы сами собой укладывались совершенно определенным образом, пусть когда-то я и пыталась делать себе самые разные прически. Сама дорога, впрочем, не изменилась — узкая, относительно прямая, она была обсажена все теми же высокими белыми дубами (за прошедшие годы они, вероятно, сделались еще выше), кроны которых смыкались, образуя подобие высокого зеленого тоннеля. Когда-то мы с Томми любили бегать по этой дороге босиком, поднимая целые облака невесомой пыли, которые, закручиваясь спиралью, еще долго плыли над нагретой землей, словно неупокоенные души.

Но сейчас пыль превратилась в жидкую грязь, поэтому когда я, задумавшись, излишне сильно нажала на газ, задние колеса моего автомобиля поехали в сторону и соскочили с дороги в кювет. В панике я газанула еще дважды, но добилась только того, что колеса увязли еще глубже. Зная, что попалась, я все же попробовала выбраться из кювета самостоятельно, но у меня ничего не вышло, и, навалившись грудью на рулевое колесо, я стала смотреть туда, где обсаженная дубами дорога заканчивалась. Мне понадобилось девять лет, чтобы вернуться, так что еще несколько минут промедления, скорее всего, ничего не решали.

Выбравшись из салона, я пошла дальше пешком. Мои легкие кожаные сандалии тонули в миссисипской

грязи, которая словно не хотела меня отпускать — с таким усилием мне приходилось выдирать из нее ноги. Огромная стая ворон¹ с карканьем расселась на ветвях, и я попыталась пересчитать их, одновременно припоминая детский стишок, который моя черная няня Матильда часто пела мне много лет назад.

Видеть ворону — радости быть.

Двух увидеть — яд печали испить.

Три — это к свадьбе, к разлуке — четыре,

Пять — быть богатым, шесть — денег просить.

Семь — это тайну большую узнать,

(Жаль, что нельзя ее здесь рассказать).

Восемь — блаженства за гробом испить,

Девять — во ад, умерев, угодить.

А коли ты десять ворон увидал,

Значит, ты чёрта живьем повстречал.

¹ Черная американская ворона, она же американский ворон (*Corvus brachyrhynchos*) — птица семейства врановых с черным оперением, обитающая в Северной Америке. От своего сородича, ворона обыкновенного, отличается меньшим размером и поведением. На североамериканском континенте птицу называют *crow* («ворона»), а не *raven* («ворон»), так как она по размеру схожа с евроазиатской серой вороной. Американские вороны являются моногамными птицами, причем пары объединяются в большие семьи и помогают друг другу выращивать птенцов. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

Сердце мое отчаянно стучало, и я успела несколько раз пожалеть, что так и не приняла успокоительную таблетку. Увы, сумочку я оставила в машине, от которой успела отойти достаточно далеко, в чем я убедилась, бросив взгляд через плечо. И все-таки я почти вернулась, но громкое хлопанье крыльев заставило меня посмотреть вверх. Семь ворон, словно нарисованные черной тушью на бледно-голубом небе, с пронзительным карканьем кружились над самой моей головой. Не успела я испугаться как следует, а птицы уже унеслись куда-то в поля и пропали из вида.

Невольню я пошла быстрее. Голова у меня слегка кружилась, и я попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Но вот деревья, росшие вдоль дороги, расступились, и я оказалась на большой поляне, от которой начиналась еще одна широкая, вымощенная камнем дорожка, также обсаженная столетними дубами. В конце дорожки стояла старая усадьба с греческими колоннами, крылечками, эркерами и нелепой готической башенкой на изломанной, разновысокой крыше. На неподготовленного человека столь беспринципное смешение сразу нескольких архитектурных стилей производило неизгладимое впечатление. Усадьбу так и хотелось назвать «желтым домом», и не только потому, что в ее облике угадывалось некое архитектурное безумие, но и потому, что она действительно была желтого цвета. В наших краях издавна господствовал псевдогреческий колониальный стиль с его алебастровыми колоннами, мраморными